

Сюаньюань Кунь лишь коротко отозвался и замолчал. Он прислонился к дереву, не сводя с Линь И задумчивого, отсутствующего взгляда. О чем он думал — оставалось загадкой.

Линь И, хоть и был ошарашен, заставлял себя принимать происходящее как должное. В конце концов, это реальность, а не страницы книги. В своем романе он прописал герою восемь лет лишь потому, что в том вещем сне Кунь предстал совсем ребенком. Но Сюаньюань Кунь никогда не был обычным человеком. Стоило ему ступить на путь совершенствования, как духовная энергия начала ускорять его рост. Теперь же, когда Линь И напрямую передал ему часть своей силы, тело юноши просто вернулось к своей естественной форме.

— Так сколько же тебе лет на самом деле? — все еще сомневаясь, спросил Линь И.

Кунь выдохнул облачко пара. Белесый туман медленно таял в призрачном лунном свете, и юноша на мгновение засмотрелся на него, словно нашел в этом простом зрелище некое тайное очарование. Услышав вопрос, он опустил голову и, казалось, всерьез задумался.

— Не помню... — наконец произнес он.

И это была чистая правда. Было ли ему несколько тысяч или десятков тысяч лет — сосчитать теперь казалось невозможным.

«Ну конечно», — мысленно вздохнул Линь И, постепенно успокаиваясь. Сюаньюань Кунь словно был одной большой сюжетной дырой, которую он сам же и оставил в своем романе. Не из камня же этот парень вылупился?

— С твоим талантом любой на горе Бутянь с радостью принял бы тебя в ученики. Зачем было терпеть унижения в этой глуши?

Линь И пожалел о своих словах сразу же, как они сорвались с губ. Вопрос прозвучал глупо. Гора Бутянь — это не современный университет: без магических сил или рекомендации высокого покровителя туда не попасть. К тому же Сюаньюань Кунь по натуре своей всегда презирал собственную жизнь; его характер должен был измениться лишь после того, как Тяньвай-чжэньжэнь возьмет его на обучение.

Но ведь сейчас именно он, Линь И, и был этим самым Тяньвай-чжэньжэнем. И что теперь делать?

«Предложить ему стать моим учеником?»

Раньше, когда перед ним был восьмилетний мальчик, это казалось естественным. Но теперь... перед лицом героя, чей истинный возраст оставался тайной, у «самозванца» Линь И просто не хватало духу произнести эти слова.

Пока Линь И мучился сомнениями, Кунь, явно не желая затягивать разговор, посмотрел на него и негромко обронил:

— Холодно.

В сиянии луны Сюаньюань Кунь казался неестественно бледным. Прямые черные волосы каскадом спускались до самой земли. Глядя на него, Линь И наконец опомнился: юноша все еще стоял перед ним совершенно нагим.

Линь И не хотел признавать, что на мгновение действительно принял его за лесного духа, которому одежда ни к чему. Он поспешно отвел взор и мельком взглянул на валявшиеся под ногами обноски — ту самую синюю рубаху, которую Кунь носил раньше. Теперь это была лишь кучка грязного, истоптанного тряпья. Даже если бы ее не превратила в лохмотья вырвавшаяся жажда убийства, носить ее было уже нельзя.

— Не вздумай больше так играть с людьми. Даже если ты бессмертен, неужели тебе совсем не больно?

Линь И обернулся, стащил с плеч свое серебристо-белое верхнее одеяние и бросил его Куню. Шелк тихо зашуршал, разрезая ночной воздух.

— Я купил одежду для ребенка, но теперь она вряд ли пригодится. Пока накинь это.

Не дожидаясь ответа, Линь И отошел к краю поляны. Взмахом руки он собрал разбросанные ветки. Опыт выживания в дикой природе подсказывал, что от сырых дров будет слишком много дыма, поэтому он с помощью заклинания высушил древесину и разжег костер.

Вскоре в ночной тишине весело затрещало пламя. Теплый свет озарил сумрачную поляну, разгоняя одиночество этого места. Линь И расстелил коврик для медитации. Поколебавшись, он отодвинул его подальше от Куня, устроившись с противоположной стороны костра. Так было спокойнее. Расстояние помогало сосредоточиться.

Кунь, закутавшись в чужое одеяние, медленно подошел к огню. Его движения были ленивыми и в то же время исполненными странного изящества. Босые ступни, едва касавшиеся холодной земли, уже успели покраснеть от мороза. Одеяние Линь И было ему велико: полы серебристого шелка волочились по траве вперемешку с иссиня-черными прядями волос.

Он походил на демона-соблазнителя, сошедшего со старинного свитка.

Линь И сидел с закрытыми глазами, стараясь не смотреть в ту сторону, иначе он вряд ли смог бы отвести взгляд. Юноша молча опустил на расстеленный коврик. Некоторое время они сидели в тишине. Кунь прикрыл веки, подставив лицо теплу огня; в пляшущих отблесках пламени его черты смягчились, в них проступило нечто кроткое и нежное.

Линь И достал купленную в городе еду и выложил перед ним, после чего снова погрузился в медитацию. Разложив на коленях свиток, он мысленно перенесся в море сознания, чтобы изучить структуру барьера горы Бутянь и подобрать подходящие заклинания.

В желтой оберточной бумаге лежали цветочные пирожные. Кунь, словно увидел некую диковинку, долго разглядывал сладости, прежде чем взять одну. Он поднял глаза на Линь И.

«В прошлой жизни та марионетка... нет, Линь И... Мой Бог тоже любил угощать меня пирожными с османтусом. Почему именно ими?»

Он откусил кусочек. Вкус не изменился — такой же приторно-сладкий, как и в прошлый раз. Он даже знал, в какой именно лавке они были куплены.

Линь И тем временем быстро осваивал новые техники. С простыми заклинаниями проблем не возникло — в море сознания они поддавались ему без труда, ведь при наличии мощной духовной энергии форма исполнения была лишь вопросом практики. Но вот барьер горы Бутянь... Линь И бился над ним уже долго, но, кроме непонятных символов, не видел ничего.

— Ты пробовал пирожные с османтусом?

Внезапный голос нарушил тишину. Линь И не открыл глаз, сохраняя прямую осанку.

— Пробовал.

— Но те, кто ступил на путь бессмертия, не едят мирскую пищу. От нее болит живот.

— Ел давным-давно. В детстве, — ответил Линь И. В своем мире он их обожал. К тому же, угостить героя сладостями было прописано в изначальном сюжете, и он специально их выбирал.

В романе после этого угощения дистанция между учителем и учеником сокращалась, и диалог должен был идти точь-в-точь по этому сценарию. Линь И резко открыл глаза. Неужели пришло время налаживать отношения и зарабатывать «очки лояльности»?

— Что, не любишь сладкое?

Кунь отвел взгляд от Линь И и посмотрел на надкушенное пирожное.

— Верно. Терпеть не могу сладости. Почему ты решил, что мне нужны именно они?

Линь И опешил. Этого ответа не было в его сценарии. В его книге герой обожал эти пирожные!

Неужели уровень доверия слишком низок и «триггер» не сработал?

Нет, дело было не в условиях.

— Прости, — искренне сказал Линь И. — Я не знал. У меня есть и другая еда, не сладкая. Выбери то, что тебе по вкусу.

Дело было в том, что настоящий Сюаньюань Кунь действительно не любил сладкое. Перед Линь И был не персонаж из его книги, а живой человек.

Услышав этот ответ, Кунь едва заметно улыбнулся, и в его взгляде промелькнула искра.

— Я пошутил. Вкусно.

Линь И промолчал, лишь потер виски. Понять этого юношу было выше его сил.

— Ты пытаешься взломать барьер горы Бутянь? — вдруг спросил Кунь.

— Как видишь.

Линь И был на грани отчаяния, не в силах найти решение. В голове мелькнула безумная надежда.

— Знаешь, как его снять?

— Один — нет.

Линь И едва не вскрикнул от досады. Этот парень рубил на корню любую надежду. Голова начала побаливать от усталости.

— Сюаньюань Кунь! — в его голосе прозвучало раздражение. — Ты можешь договаривать фразу до конца?!

— Могу. Чтобы разрушить этот строй, нужно восемь человек.

Раз Кунь сказал, что знает способ — значит, так оно и было. Линь И понял, что может использовать свои призрачные воплощения. Он передал юноше свитки с описанием барьера Бутянь, и тот, лишь мельком взглянув на них, подобрал ветку и начал чертить на земле магические формулы.

Тонкий прутик скреб по почве, выводя идеальные, выверенные линии. Линь И узнавал символы, но не мог постичь глубинной логики расчетов. Кунь же действовал уверенно, словно по памяти; не имея сейчас божественного сознания из прошлой жизни, он полагался на вычисления, вкладывая в каждый штрих остатки духовной силы.

«Дао бессчетно, звезды изменчивы, а суть летней зелени и зимних снегов сокрыта в небесах».

Наблюдая за этой вязью символов, Линь И ощутил, как в его собственном разуме что-то проясняется. Земля вокруг костра была исписана мелкими знаками — Кунь разобрал барьер до мельчайших деталей.

Расчет занял всю ночь и утро, пока солнце не замерло в зените. Юноша вычислил точное время — час Лошади, три четверти. В этот миг нужно было занять восемь позиций, сделав гору Бутянь центром построения.

На востоке — утренняя роса, на западе — груда камней, на юге — кровь, на севере — зимняя трава. На северо-западе и северо-востоке требовалась магия дерева, а на юго-западе и юго-востоке — стихия воды.

Линь И понял, какая колоссальная работа была проделана. Он и забыл, что сам когда-то наделил «настоящего» Тяньвай-чжэньжэня такой изощренной мудростью. Теперь ему, мастеру стадии Перехода через Бедствие, предстояло создать восемь воплощений. Каждое должно было действовать независимо, творя разные заклинания, что требовало невероятного расхода сил.

Медлить было нельзя: окно для взлома барьера было коротким. Сделав последний расчет, Кунь окончательно истощил энергию, которую ему передал Линь И, и снова превратился в маленького ребенка, мгновенно уснув от изнеможения.

Линь И передел его в заранее купленную детскую одежду. Подняв его на спину, он приготовился к ритуалу. Но ощущения теперь были совсем иными: он больше не мог просто прижать его к себе, как раньше. Теперь он знал, что этот ребенок — взрослый мужчина.

Перед глазами то и дело всплывал образ того юноши в лунном свете среди снегов... Линь И понимал, что больше никогда не сможет обнять его так просто, без задней мысли.

Из-за трансформации волосы Куня стали слишком длинными и мешали при ходьбе. Линь И решил их подрезать. Для людей этого мира волосы были священным даром родителей, и он ждал, что Кунь сделает это сам, как только придет в себя. Но тот лишь крепче обхватил его за шею.

Взгляд юноши был глубоким и затуманенным.

— Раз ты Бог... — прошептал он Линь И на самое ухо, — то можешь состричь их сам. Это позволительно.

Линь И ничего не понял. Должно быть, Кунь совсем ослаб и бредил.

<http://bllate.org/book/17554/1709582>